

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д94

Natalie Daniels
TOO CLOSE

Copyright © Natalie Daniels, 2018. This edition is published
by arrangement with Aitken Alexander Associates Ltd.
and The Van Lear Agency LLC

Школа перевода
В. Баканова

Дэниелс, Натали.
Д94 Кукушка / Натали Дэниелс ; [перевод с ан-
глийского А. Юшенковой]. — Москва : Эксмо,
2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-101258-8

Конни очнулась в психушке. Некогда цветущая кра-
сотка, хорошая мать и успешная журналистка, она прев-
ратилась в бесполой полутруп с жидкими волосами и
ожогами по всему телу. Как? Почему она не способна
вспомнить многое из своего прошлого?

Люди до сих пор содрогаются от того, что сделала
эта безумная. Но психиатр Эмма Дейвис видела и не та-
кое. Она бесстрашно ведет пациентку по закоулкам ее
личного ада, чтобы помочь найти выход оттуда. Помочь
вспомнить и трагедию, и то, что к ней привело. Посте-
пенно Эмме становится ясно, почему неудачный брак и
жуткая женская дружба подтолкнули несчастную к неопи-
сываемому кошмару.

Или ее просто умело обманывает эта жестокая жен-
щина, которой нет прощения?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Юшенкова А., перевод на русский
язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-101258-8

*Когда идут лавиной беды,
кто может их остановить?..*

Эврипид. Медея

Начало всего

Удивительно: ее всегда называют красавицей. Более того, ее красота стала фактом настолько непреложным, что сомнения давно забыты. Скажу, однако, что много лет назад, при первой встрече в парке, я ничего особенного не заметила; ее красота сразила меня далеко не сразу. Она была невысокого роста, с творчески растрепанными светлыми волосами и голубыми жилками на висках. Под темными глазами залегли мешки — как мне хорошо известно, это именуется «материнство», — и с определенного ракурса казалось, что ей хорошенько врезали по веснушчатому носу. Обращала на себя внимание манера искоса смотреть на вас большими темно-кариими глазами. И еще она часто моргала. В целом она произвела на меня впечатление человека тревожного.

Я опоздала за Энни в садик и обнаружила, что моя дочка одиноко сидит у стены на скамейке под пустой вешалкой и гордо держит в руке палочку для леденца со смятой красной бумажкой на конце.

— Солнышко, прости мамочку! — произнесла я, опускаясь рядом и облегченно переводя дух. — Что это у тебя такое?

У Карла выходило лучше; какую бы ерундистику дети ни приносили из школы, он восхищался, словно лицезрел творение юного Леонардо да Винчи. Дай этому барахольщику волю, в доме шагу нельзя было бы ступить от пластилинового хлама и гофрированной бумаги в кляксах краски. Точь-в-точь как иногда показывают по телеку.

— Это мак.

Господи, ну конечно! Приближался День памяти¹, и воспитатели не упускали случая стимулировать в подопечных творческие способности.

— Какой красивый! А ты знаешь, почему мак? Для кого он?

Пусть я опаздываю, забываю про рождественские концерты и барбекю, но, боже ж ты мой, как могу, просвещаю своих чад!

Она подняла глаза и протянула мне палочку.

— Для тебя?

— Нет, я имею в виду, почему ты его сделала? В честь кого?

— Чтобы помнить.

— Умница!

¹ День памяти павших, известный в народе как Маковый день, — памятный день в странах Британского Содружества наций, отмечаемый ежегодно 11 ноября; в это время чествуют память всех солдат Британского Содружества, погибших в конфликтах с участием Великобритании.

Вундеркинд, а не ребенок.

— Кого помнить?

Она понятия не имела. Покачала головой, тряся ангельскими кудряшками. В который раз я подивилась, как это у меня вышла такая лапусечка.

— В честь солдат, которые погибли на войне! — изрекла я нелепо-весело.

Энни широко распахнула глаза, губки ее удивленно изогнулись. В голове вращались маленькие шестеренки. Она нахмурилась и медленно повернулась, чтобы рассмотреть позади стену из шлакобетона. Осторожно тронула пухлыми пальчиками шлепки замазки.

— На этой стене?

Невероятно умилительная, так бы и съела.

— Давай купим конфеток и пойдем в парк! — предложила я.

Энни убежала вперед, набив полные щеки разноцветным шоколадным драже. Сорвиголова! К тому времени как я ее догнала, она, выпятив нижнюю губу, стояла на детской горке и с пунцовым от горя личиком глядела на яркий пунтир из конфет, отскакивавших от лестницы и падавших на игровое покрытие. А другая маленькая девочка подбирала их и поспешно заталкивала в рот.

— Нет! Нет! — кричала Энни, в ярости глядя сверху на соперницу.

Другая родительница сначала ничего не заметила, занимаясь чем-то на скамейке со старшим

ребенком, а потом присоединилась ко мне, подбирая драже и выговаривая, как положено, своей дочке:

— Ай-ай-ай, Полли! Нельзя брать чужое!

И знаете, любопытный факт: меня в ее голосе что-то насторожило. Не тембр, низкий и спокойный, не слова — в них не было ничего примечательного. Возникло почти неосоздаваемое, утробное чувство. Голос одновременно глубоко успокаивал и глубоко тревожил. То же самое у меня с церковными колоколами. Совсем путано говорю, да?

Многие годы я считала нашу с ней встречу ярким примером того, как *не нужно* доверять первому впечатлению, какое оно бывает обманчивое. Потому что в начале всего этого я ощутила к ней необъяснимую, но отчетливую неприязнь, словно меня потянули сзади за крылья. Верховный кукловод о чем-то предостерегал.

Мы перебрросились вежливыми фразами и сели на скамейку, а трое девчонок, немедленно сдружившись и с завидной детской легкостью позабыв свои горести, отправились искать улиток.

— Живете рядом? — поинтересовалась я.

— Да, за бассейном. — Она неопределенно повела подбородком. — Только что переехали.

— О! А на какую улицу?

— Бакстон-роуд.

— Правда? Где именно?

Выяснилось, что мы соседи. Она жила буквально за углом. Собственно, я видела ее дом из задних окон. Стало очевидно, что наши жизни будут связаны, и беседа потекла в новом русле. Почему мы, женщины, так стремимся завязать близкую дружбу? Двое мужчин на нашем месте вообще не стали бы разговаривать.

Я открыла контейнер с остатками дочкиного завтрака и ковыряла раскисшую клубнику, а разговор плавно перешел с нашего района и отпрысков на нас самих.

— Чем занимаетесь? — спросила она.

— Пишу.

— Я тоже пишу! — отозвалась она без паузы или дальнейших расспросов.

Манера ответа, его поспешность, показалась сопернической — меня снова потянули за крылья.

— А что пишете? — спросила я, предлагая ей мягкую клубничину, от которой она отказалась.

— Стихи...

Я пригляделась внимательнее. Занятно — в сочинении стихов, как правило, не признаются.

— ...Когда находит вдохновение, — добавила она.

Извините за снобизм, конечно, но это не «пишу». Это «пописываю». (Писатель не может позволить себе роскошь дожидаться музыки; он прикладывает руку ко лбу и кропает текст, идет на риск, прозябает в нищете, становится рабом

искусства и жертвует ради него всем.) Я не озвучила эти мысли, однако ударила ниже пояса:

— Зарабатываете стихами?

— Нет-нет.

Вот, это я и говорю: она не пишет!

— Я занимаюсь... точнее, занималась... художественными галереями. Запачкались... — Она показала, что у меня на подбородке клубничный сок.

Я вытерла. Она покачала головой. Я опять вытерла.

А потом — может, вы возразите, сочтя, что так поступит любая мать — она сделала нечто странно интимное: лизнула палец и принялась тихонько тереть мне подбородок. И пока она его терла — пятнышко упрямо не поддавалось, — я невольно ее разглядывала. Веснушки, контраст светлых волос и карих глаз... Только хотела спросить про галереи, как она вдруг произнесла:

— Вы очень приятно пахнете. Что это?

И снова, согласитесь, необычная интимность! При первой встрече сказать человеку про его духи... Я, однако, падка на комплименты и, видимо, просияла.

— Спасибо! Лайм и базилик, «Джо Малон».

Она улыбнулась. У нее были хорошие зубы, ровные и белые, как в рекламе.

— Роскошный запах!

Я тоже так считала, но очень приятно, когда на это указывают окружающие. Почему мы, женщины-

ны, льстим? Полагаю, это примитивная тактика выживания, потому что к ней прибегают все (с учетом того, где я оказалась, не все — одинаково успешно). Оглядываясь назад, думаю, что именно комплименты заставили меня закрыть глаза на явственные предостережения свыше. Какое убожество!

— Чем занимается ваша половина? — спросила она.

— Консультант по коммуникациям.

Этот ответ обычно кладет конец расспросам. Так произошло и теперь.

— А ваш муж?

— Жена, собственно говоря... Работает на телевидении.

На сей раз заткнулась я. Лесбиянка! Прямо глоток свежего воздуха! Этому району пойдет на пользу любое разнообразие. Школа с каждым годом становится белее и блондинистее, родители — однородными, с растущим числом мужчин в оранжевых вельветовых брюках и женщин с блестящими киношными волосами. Немедленно захотелось расспросить про детей: кто биологическая мать? кто отец? как они вас называют? Очевидные животрепещущие вопросы, которые мы боимся задавать. И менее очевидные: как она поняла, что лесбиянка? Ужасно любопытно. Я всегда была в доску традиционной, идея заняться любовью с женщиной меня никогда не прельщала. Я любила

мужчин, их тело, непохожесть, напористость. Разумеется, ничего я не спросила — корчила из себя крутую, которой на все это решительно плевать.

— Красивая у вас челка... — добавила она. — Посоветуйте хорошего парикмахера! А то я совсем не знаю этот район.

Она поглаживала расстрепанные пряди, глядя на меня краешком глаза. Должна признаться, в тот день я была особенно равнодушна к лестии — недавно подстриглась и порядком комплексовала, очень подозревая, что смотрюсь а-ля тысяча девятьсот семьдесят четвертый, не в хорошем смысле. Парикмахерша несколько увлеклась, и, бросив напоследок взгляд в зеркало, я увидела свой профиль — конструкция смахивала на чуб ухоженной морской свинки.

— Конечно! Рядом с библиотекой неплохо стригут, — отозвалась я, нагибаясь, чтобы лучше видеть Энни, которая подозрительно слонялась туда-сюда — было у нее обыкновение подкакнуть где-нибудь в кустах. Дикий мой ребенок!

— Кстати, я Несс! — произнесла моя собеседница.

— Конни, — ответила я, пожимая протянутую руку.

Узы были созданы.

Сейчас кажется, что все это случилось давным-давно, в прошлой жизни. В те времена, за-

видя в вонючей подворотне скорчившегося бездомного, я беспечно думала: как тебя угораздило? Теперь я знаю ответ — проще простого! Люди полагают, что деградация идет постепенно, а на самом деле жизнь может круто измениться в одно мгновение. Причем совершенно случайно — например, когда кто-то вдруг решил переехать на Бакстон-роуд.